

УДК 82-1(470)

DOI: 10.28995/2686-7249-2024-10-65-74

Дейктические проекции
в стихотворении Арсения Тарковского
«Книга травы»

Елена И. Зейферт

*Российский государственный гуманитарный университет,
Московский государственный лингвистический университет
Москва, Россия, elena_seifert@list.ru*

Аннотация. Автор статьи делает целостный анализ стихотворения Арсения Тарковского «Книга травы», опираясь на теории дейксиса, первофеноменов, дискурса/жанра. Эстетическую целостность стихотворению придают лежащие в основе изображения дейктические проекции, а также метонимия и градация, контекстуальность синтаксических и лексических единиц, нейтрализация активно семантизированной границы. За мотивами творчества, чистоты, корней, детства, рождения/смерти/бессмертия, спасительной, пророческой силы слова, приобщения человека с помощью искусства и природы к вечности в «Книге травы» стоят первофеномены покоя, печали, подчеркнутые мягкостью эмоционального дейксиса, и первофеномен желаний, выливающийся в заключительный перформатив. Способность предметов отражаться в воде, светиться, исчезать ассоциируется со смертью и перерождением человека. Деликатность синтаксиса и лексики коррелирует с изображением магического слияния человека с природой, лиминального ощущения смерти как рождения. Стихотворение «Книга травы» предстает самоопределением лирического героя, происходящим в диалоге с другим человеком.

Ключевые слова: дейксис, дейктические проекции, Арсений Тарковский, «Книга травы», активно семантизированная граница

Для цитирования: Зейферт Е.И. Дейктические проекции в стихотворении Арсения Тарковского «Книга травы» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 11. С. 65–74. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-10-65-74

© Зейферт Е.И., 2024

Deictic projections in Arseny Tarkovsky's poem "The Book of Grass"

Elena I. Seifert

Russian State University for the Humanities

Moscow State Linguistic University

Moscow, Russia, elena_seifert@list.ru

Abstract. The author of the article makes a holistic analysis of Arseny Tarkovsky's poem "The Book of Grass", based on the theories of deixis, primary phenomena, discourse/genre. The aesthetic integrity of the poem is given by the deictic projections underlying the image, as well as metonymy and gradation, the contextuality of syntactic and lexical units, and the neutralization of an actively semanticized boundary. Behind the motifs of creative work, purity, roots, childhood, birth/death/immortality, the saving, prophetic power of the word, introducing a person to eternity with the help of art and nature in the "Book of Grass" there are the primary phenomena of peace, sadness, emphasized by the softness of emotional deixis, and the primary phenomenon of desire, resulting in the final performative. The ability of objects to be reflected in water, glow, and disappear is associated with the death and rebirth of a person. The delicacy of syntax and vocabulary correlates with the depiction of the magical fusion of man with nature, the liminal sensation of death as birth. The poem "The Book of Grass" presents itself as a self-definition of the lyrical protagonist that takes place in a dialog with another person.

Keywords: deixis, deictic projections, Arseny Tarkovsky, "The Book of Grass", actively semanticized boundary

For citation: Seifert, E.I. (2024), "Deictic projections in Arseny Tarkovsky's poem 'The Book of Grass' ", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 10, pp. 65–74, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-10-65-74

Лиминальный 1945-й, год перехода от войны к миру, окрашенный трагизмом травмы и гибели, рождает к жизни витальное стихотворение Арсения Тарковского «Книга травы»¹. Книга травы (как книга трав) сразу вызывает ассоциации, связанные с целебностью и народностью. Тяжело раненный на войне, потерявший ногу, поэт тяготее к мотивам исцеления и воскресения. К несчастью, он предсказал свое ранение в стихотворении «Немецкий автоматчик подстрелит на дороге...» (1942). В 1945 г. Арсений Тарковский пере-

¹ *Тарковский А.* Стихи разных лет. М.: Современник, 1983. С. 114–115.

живает и душевную травму. Он подготовил к печати книгу стихов, которая получила одобрение Союза писателей, но не увидела свет из-за политических «несоответствий» (ни в одном из стихотворений поэт не хвалил Сталина).

Но явственна и иная семантика «Книги травы» – творчество, спасительная и пророческая сила слова, приобщение человека с помощью искусства и природы к вечности. По своему мотивному полю и посылу «Книга травы» органично встраивается в читательский и исследовательский диптих с другим известным произведением Арсения Тарковского, «Я учился траве, раскрывая тетрадь...» (1956). Через другой художественный мир читаются отдельные коннотации «Книги травы» – возможность постигать природу как литературу и музыку, осмысленный диалог явлений природы с человеком, нахождение в одном ряду природы и творчества, «близких» и «трав». Одним из наставников Тарковского, религиозного человека, был Владимир Вернадский, который повлиял на теологические представления ученика: рекомендовал ему чтение Павла Флоренского и Сергея Булгакова, рассказывал о своих идеях [Синельников 1997], создав особое отношение к природе и миру в целом.

«Книга травы» поэтизирует магическое превращение человека в «книгу младенческих трав», активизируя мотивы рождения/ухода, детства, чистоты, корней, бессмертия через слово и природу. Размышляя о генезисе лирики, М. Гаспаров говорит о ее «прагматических, магических функциях, еще ощутимых даже в изощренной поэзии скальдов» [Гаспаров 2007, с. 11]. А. Веселовский видел зачатки лирики в эмоциональном отклике хора на запев корифея и связывал происхождение лирики с обрядовыми циклами, в том числе лиминальными (рождение, смерть) [Веселовский 1989, с. 155–160]. Постепенно освобождаясь от связи с временами года, ритуально-лирические песни-заклинания уходят от прагматики магии, но, преобразаясь в авторскую лирику, сохраняют мольбы, просьбы, причитания, хвалу и др. [Гаспаров 2007, с. 54–55]. Для интерпретации произведения Арсения Тарковского важен и психологический параллелизм эмоций человека с явлениями природы в фольклорном стихе, перешедший в миннезанг и поэзию трубадуров.

Какие жанровые интенции содержит «Книга травы»? «Первофеномены», лежащие в основе жанра, – предмет размышлений ряда ученых, среди которых И. Смирнов [Смирнов 2008], считающий, что жанры отражают разнообразие исторического опыта человека, В. Тюпа, изучающий соотношение жанра и дискурса не только в нарративе, но и перформативе [Тюпа 2013]. В. Тюпа выделяет несколько типов лирических дискурсов, архитектоника которых создается базовыми для речевой культуры человека

хвалой, хулой, угрозой, покоем, жалобой, желанием. По мнению В. Аминовой, «дополнительным ресурсом для жанрообразования в литературе и для интерференции ее жанров могут служить наряду с темпоральностью (теория И. Смирнова), протолитературными нарративами и перформативностью (концепция В. Тюпы) дейктические формы» [Аминова 2019]. Дейксис, являясь универсальным свойством языковой системы, реализует указательность [Collinson 1937; Арутюнова 1985] и тесно связан с оппозицией «свой/чужой» [Матвеева 2007]. По Ч. Филмору, дейксис – это указание на личности говорящего и адресата, место и время высказывания [Fillmore 1982]. В дейксисе используются слова и выражения, которые могут быть проинтерпретированы лишь при помощи обращения к физическим координатам коммуникативного акта – его участникам, месту и действию.

Автор докторской диссертации по дейксису Н. Сребрянская, помимо других типов, выделяет традиционные дейксисы лица, времени и пространства [Сребрянская 2005]. Дейктические проекции (термин Ю. Апресяна) – значения указания на лицо, пространство и время, наличие точки отсчета, или центра координации, присутствие наблюдателя, его позиция в пространстве и времени с учетом оппозиции «близко–далеко» по отношению к объекту. Одним из новых видов дейксиса является эмоциональный дейксис [Шаховский, Жура 2002]. Дейксис не есть только явление прагматики речи, в художественном тексте дейктический подход проецируется на семантические, семиотические, структурные элементы. Однако в произведении дейксис ощутимо внешний и чужеродный, что позволяет, с одной стороны, самоопределяться лирическому высказыванию, с другой – разрешаться эстетическому катарсису (Л. Выготский) в процессе встречного движения содержательных и формальных элементов.

Лирика Арсения Тарковского представляла предметом многостороннего изучения. Рассмотрены поэтический мир [Мансков 1999], дефиниции мифологического сознания [Яновская 1996] и другие уровни поэтики и категории лирики поэта. Растительный мир в поэзии Арсения Тарковского, в том числе трава (найдено 101 наименование), наряду с другой пейзажной символикой рассмотрен в статье И. Остапенко [Остапенко 2013]. Однако произведение «Книга травы» не представляло предметом комплексного изучения, в том числе не изучались его дейктические проекции.

Изображая самого себя, лирический герой «Книги травы» включает в собственное описание и лирического адресата, определяясь в близости от другого. Лирический субъект здесь четко указывает на предметы и явления, с которыми не совпадает. Кем

является/не является лирический герой? Он не город (как значительный по численности населения, экономическому, культурному и историческому значению («с кремлем») населенный пункт), а «герб городской» – не «герб городской», а «звезда над щитком на гербе» – не звезда в ночной воде, а «только имя звезды» – «не голос, не платье на том берегу», а только свечение – «не луч световой у тебя за спиной», а руины или пепелище дома, разоренного войной – не «дом на высоком валу крепостном», а «память о доме твоём» – не «друг твой, судьбою ниспосланный», а «выстрела дальнего звук» – «книга младенческих трав» на «влажной земле» в «приморской степи», на «родимом лоне». Тарковский использует прямые дейктические средства – местоимения «я», «ты», «твой», «этом», «том», локативы «на том берегу», «у тебя за спиной». Указательный жест лирического героя – «не это, а то». Образы постепенно теряют масштабность, материальность, значимость – город, герб, звезда на гербе, имя звезды, свечение, руины дома, память о доме, звук выстрела и, наконец, «книга трав». Уменьшение образов сопровождаются морфемы «разве что» и «только».

Человек уходит здесь поэтапно, перерождаясь в природное (трава) и культурное (книга) явление. Смерть воспринимается как новое рождение, как исцеление другого («в приморскую степь я тебя уведу»). Другой становится свидетелем магического перерождения. Магическую, фольклорную стихию поддерживает певучий разноstopный трехсложник: «Книга травы» написана 4–3-стопным амфибрахией. По мере угасания, стирания, забвения образов меняется звуковой облик стихотворения: исчезает свойственное его началу сгущение заднеязычных звуков к, г, появляются свистящие с, з, затем увеличивается количество сонорных н, м, л, р. В стихотворении выстраивается вертикаль (звезды – верх, трава – низ), устремляющая художественное пространство «Книги травы» в бесконечность.

Открывающееся эмоциональным отрицанием «О нет», стихотворение движется по принципу угасания чувств, образов, контура, звука, цвета. От большого объекта лирический герой переходит к маленькому предмету, затем его части, ее имени, свечению, руинам, воспоминанию, звуку. «Книгу травы» Тарковского можно назвать самоопределением лирического героя. Оно происходит в процессе создания параллелизма с явлениями природы (река, звезда, луч, приморская степь, влажная земля, травы и др.) и диалога с другим человеком.

Сукцессивность стихотворной речи у Арсения Тарковского во многом возникает благодаря контексту. Идиостиль поэта – контекстуальный [Бакина, Некрасова 1986, с. 48]. Смыслоporождение

наиболее обострено на границе синтаксических конструкторов («я не..., а...»), входящих в отношения параллелизма, и слов («книга травы»). «Книга травы» пронизана бросающимися в глаза анафорой и синтаксическим параллелизмом, созданными по типу:

Не...
Я –

Композиционное построение этапов действительской градации, скрепленных парной рифмовкой, вызывает эффект ожидания, обрывающийся кодой: последние четыре стиха показывают перерождение лирического героя. Финал произведения содержит глаголы будущего времени («уведу», «паду», «стану»), в то время как все остальные строки написаны в настоящем времени. Созданное парной рифмовкой, стихотворение делится на 9 дистихов с четкими рифмами, среди которых преобладают свойственные Арсению Тарковскому богатые точные созвучия, не отвлекающие внимание читателя на звуковое новаторство. Рифма является дискретным средством активной семантизации текста: поэт не стремится к неординарным созвучиям.

Несмотря на эмоциональность первого поэтического заявления («О нет...»), стихотворение «Книга травы» не содержит экспрессивных знаков препинания, предоставляя читателю как соавтору самому варьировать интонацию. Мотив книги травы, возникая в названии, появляется еще раз в предпоследней строке, придавая стихотворению своеобразную кольцевую композицию. В произведении присутствуют отдельные элементы трагизма, элегизма и идиллики. Они выливаются в заклинательную, перформативную коду: на глазах читателя и лирического адресата лирический герой превращается в «книгу младенческих трав».

В своей статье «Единство и теснота стихового ряда и активно семантизированная граница в лирике Арсения Тарковского» я прихожу к выводу о демиургических способностях его лирического героя, который лицезреет мир от нулевого уровня в сырых красках творенья [Зейферт 2023]. Как и в целом в творчестве Тарковского, граница стихового и синтаксического рядов в «Книге травы» не перегружена, она для Тарковского скорее минус-прием, поэт демонстрирует силу лексической окраски слова и в середине строки. Лексическая лиминальность для Тарковского важнее синтаксической, которая поддерживает первую, служит ее потребностям. Обратим, к примеру, внимание на мотив «влажной земли». Для Тарковского, как и в других его произведениях, здесь принципиально важно соединение семантики слов «земля» и «мать»

(«мать-земля»). Обследование его поэзии в аспекте места лексемы «влажный» в строке показывает, что только в 7,4% случаев это слово находится на границе – в ритмическом окончании стиха клаузулы, не участвующий в анжамбемане. Колеблющиеся признаки излучаются из магистральной в стихотворении метафоры – книги травы, природы, которую можно читать, как книгу.

Эстетическую целостность стихотворению Арсения Тарковского «Книга травы» придают лежащие в основе изображения дейктические проекции, а также метонимия и градация, контекстуальность синтаксических и лексических единиц, нейтрализация активно семантизированной границы. За мотивами творчества, чистоты, корней, детства, рождения/смерти/бессмертия, спасительной, пророческой силы слова, приобщения человека с помощью искусства и природы к вечности в «Книге травы» стоят первофеномены покоя, печали, подчеркнутые мягкостью эмоционального дейксиса, и первофеномен желаний, выливающийся в заключительный перфоматив. Способность предметов отражаться в воде, светиться, исчезать ассоциируется со смертью и перерождением человека. «Книга травы» поэтизирует магическое превращение человека в «книгу младенческих трав». Деликатность синтаксиса и лексики коррелирует с изображением магического слияния человека с природой, лиминального ощущения смерти как рождения. Дейксис направлен здесь на проявление этапов этого воссоединения. Стихотворение «Книга травы» предстает самоопределением лирического героя.

Как видим, дейксис здесь обнимает множество уровней стихотворения – тематический, композиционный, лексический, орнаментальный, интонационно-синтаксический, пространственно-временной, субъектно-объектный, графический и др.

Литература

- Аминева 2019 – *Аминева В.Р.* Жанрообразующая функция дейксиса в русской поэзии XIX–XX вв. // Филологические науки: вопросы теории и практики. 2019. Вып. 11. С. 150–153.
- Арутюнова 1985 – *Арутюнова Н.Д.* Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике / Общ. ред. Е.В. Падучевой. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 3–42.
- Бакина, Некрасова 1986 – *Бакина М.А., Некрасова Е.А.* Эволюция поэтической речи XIX–XX вв. Перифраза. Сравнение. М.: Наука, 1986. 192 с.
- Веселовский 1989 – *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. С. 155–160.

- Гаспаров 2007 – *Гаспаров М.Л.* Лирика: генезис и эволюция: Сб. статей / Сост. И.Г. Матюшина, С.Ю. Неклюдов. М.: РГГУ, 2007. 418 с.
- Зейферт 2023 – *Зейферт Е.И.* Единство и теснота стихового ряда и активно семантизированной граница в лирике Арсения Тарковского // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2023. № 8 (1). С. 118–132.
- Мансков 1999 – *Мансков С.А.* Поэтический мир Ар. Тарковского: (Лирический субъект. Категориальность. Диалог сознаний): Дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1999. 152 с.
- Матвеева 2007 – *Матвеева А.А.* Дейксис как маркер категории «свой–чужой» // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 13. С. 45–50.
- Остапенко 2013 – *Остапенко И.В.* Пейзажный дискурс лирики А. Тарковского: пространственно-временная организация // Світова література на перехресті культур і цивілізацій: Збірник наукових праць. Вип. 7. Ч. II. Симферополь: БизнесІнформ, 2013. С. 226–233.
- Синельников 1997 – *Синельников М.* Три стихотворения. О Тарковском. Восточные переводы // Дружба народов. 1997. № 6. С. 208–219.
- Смирнов 2008 – *Смирнов И.П.* Олитературенное время. (Гипо)теория литературных жанров. СПб.: Изд-во РХГА, 2008. 264 с.
- Сребрянская 2005 – *Сребрянская Н.А.* Дейксис и его проекции в художественном тексте: Монография. Воронеж: ВГПУ, 2005. 255 с.
- Тюпа 2013 – *Тюпа В.И.* Дискурс / Жанр. М.: Intrada, 2013. 211 с.
- Шаховский, Жура 2002 – *Шаховский В.И., Жура В.В.* Дейксис в сфере эмоциональной речевой деятельности // Вопросы языкознания. 2002. № 5. С. 38–57.
- Яновская 1996 – *Яновская Г.В.* Дефиниции мифологического сознания лирического героя Арсения Тарковского в контексте поэзии Серебряного века // Художественное мышление в литературе XVIII–XX вв. Калининград, 1996. С. 46–53.
- Collinson 1937 – *Collinson W.E.* Indication: A study of demonstratives, articles and other “indicators”. Baltimore, 1937. 242 p.
- Fillmore 1982 – *Fillmore Ch.* Towards a Discriptive Framework for Spatial Deixis // Speech, Place and Action. Studies in Deixis and Related Topics. Chichester; N.Y., 1982. P. 31–59.

References

- Amineva, V.R. (2019), “Genre-formative function of deixis in the Russian poetry of the 19th–20th centuries”, *Philology. Theory & Practice*, no. 11, pp. 150–153.
- Arutyunova, N.D. (1985), “Origins, issues and categories of pragmatics”, Paducheva, E.V. (ed.), *New in foreign linguistics*, iss. 16, *Linguisticheskaya praktika*, Progress, Moscow, Russia, pp. 3–42.

- Bakina, M.A. and Nekrasova, E.A. (1986), *Evolyutsiya poeticheskoi rechi XIX–XX vv. Perifraza. Svravnenie* [The evolution of poetic speech in the 19th–20th centuries. Paraphrase. Comparison], Nauka, Moscow Russia
- Collinson, W.E. (1937), *Indication: A study of demonstratives, articles and other "indicators"*, Baltimore, USA.
- Fillmore, Ch. (1982), "Towards a Descriptive Framework for Spatial Deixis", *Speech, Place and Action, Studies in Deixis and Related Topics*, Chichester; N.Y., USA, pp. 31–59.
- Gasparov, M.L. (2007), *Lirika: genezis i evolyutsiya* [Lyrics. Genesis and evolution], Matyushina, I.G. and Neklyudov, S.I. (comp.), RGGU, Moscow, Russia.
- Manskov, S.A. (1999), *The poetic world of Ar. Tarkovsky (Lyrical subject. Categoricity. Dialogue of consciousnesses)*, PhD Thesis, Barnaul, Russia.
- Matveeva, A.A. (2007), "Deixis as a marker of the category 'friend or foe' ", *Bulletin of Shelyabinsk State University*, no. 13, pp. 45–50.
- Ostapenko, I.V. (2013), "Landscape discourse of A. Tarkovsky's lyrics. Spatio-temporal organization", *Svitova literatura na perekhresti kul'tur i tsivilizacij. Zbirnik naukovih prac'*, iss. 7, part 2, BiznesInform, Simferopol, Russia, pp. 226–233.
- Shakhovskii, V.I. and Zhura, V.V. (2002), "Deixis in the field of emotional speech activity", *Voprosy yazykoznanija*, no. 5, pp. 38–57.
- Sinel'nikov, M. (1997), "Three poems about Tarkovsky. Eastern translations", *Druzhiba narodov*, no. 6, pp. 213–218.
- Smirnov, I.P. (2008), *Oliteraturennoe vremya. (Gipo)teoriya literaturnykh zhanrov* [Literated time. (Hypo)theory of literary genres], RKhGA, St. Petersburg, Russia.
- Srebryanskaya, N.A. (2005), *Deiksis i ego proektsii v khudozhestvennom tekste: Monografiya* [Deixis and its projections in literary text, monograph], VGPU, Voronezh, Russia.
- Tyupa, V.I. (2013), *Diskurs / Zhanr* [Discourse/Genre], Intrada, Moscow, Russia.
- Veselovskii, A.N. (1989), *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics], Vysshaya shkola, Moscow, Russia, pp. 155–160.
- Zeifert, E.I. (2023), "The unity and tightness of the verse series and the actively semanticized boundary in the lyrics of Arseny Tarkovsky", *Practises and interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, no. 8 (1), pp. 118–132.
- Yanovskaya, G.V. (1996), "Definitions of the mythological consciousness of the lyrical hero of Arseny Tarkovsky in the context of the Silver Age poetry", *Khudozhestvennoe myshlenie v literature XVIII–XX vv.* [Artistic thinking in the literature of the 18th–20th centuries], Kaliningrad, Russia, pp. 46–53.

Информация об авторе

Елена И. Зейферт, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия; 119034, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 38, elena_seifert@list.ru

Information about the author

Elena I. Seifert, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047;

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia; bld. 38, Ostozhenka Street, Moscow, Russia, 119034; elena_seifert@list.ru